

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология,
Контексты культуры
и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

му что по-русски этой поэзии – вплоть до последнего времени практически еще не было, хотя и были уже отдельные переводческие удачи (Е. Витковский, О. Татаринова, С. Аверинцев, В. Микушевич и др.¹¹). Читатель эссе должен обратить внимание на трактовку таких понятий, как «артистизм» и «чародейство», ибо эти качества, несомненно, отличают многие стихотворения поэта. С точки зрения содержания поэзии Бенна, по-моему, важно при чтении эссе обратить внимание на соотношение пессимистически-нигилистических и оптимистически-гуманистических элементов, иначе говоря, ясно понять, что именно Бенн тотально отрицает и на что же он в конце концов надеется (на отдельных сторонах этого соотношения я пытался заострить внимание). Говоря о конфликте «лирического Я» со средой и о неизбежном одиночестве Поэта, Бенн провозглашает Поэта хранителем высших ценностей человеческого духа, «последним остатком от человека, который еще верит в абсолютное, живет в нем». Причем «абсолютное» для Бенна – не головная конструкция, не выдумка, не утопия, но лишь абсолютная нравственная позиция, стремление пронести гуманистический идеал сквозь все «завалы действительности». «Лирик не может позволить себе чего-то не знать, он должен работать до изнеможения, все перепробовать своими руками, он обязан ориентироваться в том, на какой точке сегодня остановился мир, какой час в этот полдень переживает Земля». Постоянная и нигде не ослабевающая напряженность между сиюминутным (встающим во всей своей обнаженной конкретике) и вечным, просвечивающим сквозь всю приглядную и неприглядную конкретику идеалом – в этом живой и трепещущий нерв поэзии Бенна, в этом ее возрастающая с годами притягательность.

Один из программных манифестов послевоенной западногерманской поэзии, доклад Бенна «Проблемы лирики» (*Probleme der Lyrik*) был прочитан в 1951 году перед студентами Марбургского университета и тогда же опубликован. Перевод осуществлен по изданию: Benn, G. *Gesammelte Werke* / G. Benn. – Bd. 4. – *Reden und Vorträge*. – München, 1975. – S. 505–536.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перевод О. Татариновой.

² Здесь и далее при отсутствии отсылки на переводчика перевод мой. – А. Г. В. Микушевич в своем переводе этого стихотворения выбрал образ «заклеймённое я» (см. прим. 11, с. 261 в названном издании), *das gezeichnete Ich* содержит в себе возможность и такого перевода, но с учетом приводимого в данной статье комментария. При первой публикации данной статьи в «Вопросах литературы» (1991, № 7) я соблазнился перевести этот образ как «обретённое я», хотя и откомментировал его неточность.

³ У Ницше встречается в форме прилагательного: *la gaya scienza* («веселая наука»).

⁴ Niedermayer, M. *Erinnerungen an Gottfried Benn* / M. Niedermayer. – G. Benn *Doppelleben*. – Wiesbaden, 1967. – S. 128.

⁵ Benn, G. *Gesammelte Werke in der Fassung der Erstdrücke, Essays und Reden* / G. Benn. – Frankfurt a. M., 1989, S. 501.

⁶ *Ibidem*. – S. 500.

⁷ Benn, G. *Über mich selbst* / G. Benn. – München, 1956. – S. 27.

⁸ *Ibidem*.

⁹ Benn, G. *Doppelleben* – S. 43.

¹⁰ Наиболее наглядно это различие выявилось в прямой дискуссии Г. Бенна и И.Р. Бехера в 1930 году: И.Р. Бехер, Г. Бенн. Радио-беседа. – «Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века». – М., 1986.

¹¹ См. в том числе подборку в кн.: *Сумерки человечества. Лирика немецкого экспрессионизма* // Сост. В.Л. Топорова и А.К. Славинской. – М., 1990. В мозаике художественно разнородных переводов поэзии Бенна растворяются отдельные переводческие удачи, но главное – и неповторимый и постоянно замыкающийся на ключевые слова и понятия стиль самого Бенна. Лучшее издание на русском языке: Бенн, Г. *Перед концом света* / Г. Бенн // Перевод с немецкого, составление, вступительная статья и комментарии В.Б. Микушевича. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 294 с.

«О ТЕХ, КТО ВЕРНУЛСЯ С ВОЙНЫ»: ХАЙНЦ ПИОНТЕК (1925–2003)

Т.В. Кудрявцева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва (Россия)

Многогранное творческое наследие Хайнца Пионтека (Heinz Piontek, 1925–2003) охватывает разные литературные виды (стихи, романы, рассказы, эссе, радиопьесы и пр.). Пионтек один из предтеч так называемой литературы «новой субъективности»¹, получившей свое название из-за сильно выраженного

личностного начала в произведениях писателей ФРГ 1970-х – начала 1980-х годов (Р. Шнайдер, Г. Веспер, Н. Борн, М. Крюгер, К. Кивус, У. Хан и др.). Еще при жизни писатель вошел в историю немецкой литературы XX века как «классик современности»². Многие его произведения, прежде всего поэтические, включены в ФРГ в школьные программы по литературе.

***

Юность Пионтека пришлось на военное лихолетье. Не успев окончить школу, крестьянский парень из Верхней Силезии (г. Кройцбург, в настоящее время Ключборк, Польша) был вынужден в 1943 году отправиться солдатом на фронт. В 1945 году война закончилась для него американским пленом. В 1947 году Пионтеку удалось получить аттестат зрелости и продолжить образование по специальности «германистика» в философско-теологической высшей школе г. Диллингена. За недостатком средств Пионтек вскоре был вынужден прервать учебу, не получив диплома о высшем образовании.

Его первые публикации (литературные рецензии, эссе, стихи и рассказы) начали появляться в периодической печати в 1946 году, а с 1948 года Пионтек зарабатывает на жизнь писательским трудом.

В начале 1950-х годов выходят первые поэтические сборники Пионтека «Брод» («Die Furt», 1952) и «Дымовой сигнал» («Die Rauchfahne», 1953), которые принесли ему литературное имя и признание коллег. Среди них были Герман Гессе, Карл Кролов (1919–1999), а также известный поэт, литературовед и критик Ганс Эгон Хольтхузен (1913–1997).

Содержательная палитра поэтических произведений Пионтека многоцветна. Он, как и Кролов, считается продолжателем традиции таких мастеров камерной пейзажно-магической лирики как Оскар Лёрке (1884–1941) и Вильгельм Леман (1882–1968). Подобно другим писателям-герменевтикам 1950-х годов, Пионтеку претит громкая плакатность гражданской, пропагандистской литературы. Его ампула – так называемые «стихи о временах» (Zeitgedichte). Лишенные какой бы то ни было патетики, они исполнены философских раздумий над подвластной стихии времен судьбой человека.

Одно из таких стихотворений, «Разбросанные по свету» («Die Verstreuten»)³, написанное в 1955 году (опубликовано в поэтическом сборнике «Метки паводка» «Wassermarken», 1957), обращено к актуальной теме вынужденных немецких переселенцев с приграничных с Германией земель (Польша, Чехия и др.). Однако судьба беженцев вплетена в широкий исторический контекст: заселение Верхней Силезии в XII веке и события античной древности. Цикличность времен и повторение человеческих судеб (бегство Энея из Трои) предопределяют трезвый взгляд поэта на трагедию соплеменников и – Пионтек выступает здесь в роли морализатора – служат предупреждением всему человечеству о недопустимости совершения новых ошибок.

На протяжении всей жизни поэт не устает задавать вопрос: «Не наступит ли будущее еще раз / на забытое / прошлое?»⁴

Уже в ранние годы творчества складывается индивидуальный стиль Пионтека. Форма лаконичных стихотворений, вначале весьма традиционная, постепенно все больше напоминает верлибр, в них часто отсутствуют определенный размер и рифма. Подобная техника письма, нередко усиленная анжамбеманом, призвана, как в уже упомянутом стихотворении «Разбросанные по свету», показать дисгармонию рушащегося на глазах людей привычного мира:

Разбитая жезь и холод: страна побитых (Zerstoßenes Blech und Kälte: das Land der Geschlagenen)⁵.

Знаток силезской барочной поэзии, поэт, тем не менее, не склонен рисовать мрачную картину апокалипсиса. Поэтом движет христианский посыл «спасения после кораблекрушения» (Schiffbruch und Landung)⁶.

Конец стихотворения «Разбросанные по свету» – выражение надежды на то, что человек сумеет преодолеть удары судьбы:

Ветер донесет нас до неподвластного разрушения города. / На скалах обретем покой.

Wir werden zu einer festen Stadt kommen im Wind. / Wir werden Frieden finden auf Felsen⁷.

Стихотворение с символическим названием «Брод» («Die Furt») из одноименного поэтического сборника наглядно демонстрирует тонкую взаимосвязь медитативного созерцания природы и экзистенциально окрашенного воспоминания о пережитом жизненном испытании:

Идти с оглядкой бродом – течение все выше / пробирается по телу. / Впервые так сильно бьется сердце. / О чем-то брачноливо жужжит мошкара.

Waten und spähen – die Strömung bespült / höher hinauf mir die Schenkel. / Nie hab ich so meinen Herzschlag gefühlt. / Sirrendes Mückengeplänkel⁸.

Лирический герой, исполненный противоречивых чувств по поводу своего пребывания в этом мире, пытается «избежать встречи со страхом»⁹, порожденным природным инстинктом самосохранения, и побороть сомнения в своих силах, питаемых человеческой волей к преодолению трудностей жизни, к достижению заветной цели (в данном случае – «берега»), обретению твердой почвы под ногами, как и в стихотворениях «Разбросанные по свету». Это тесно связано с мотивом «земли обетованной» в стихотво-

рениях «В палубной каюте», в «Библейской ночи»¹⁰ и «Странствии»¹¹ из сборника «Метки паводка», а также в более позднем стихотворении «В воде»¹² из сборника «Живой или мертвый» («Tot oder lebendig», 1971). Эта тема пройдет лейтмотивом через все поэтическое творчество поэта второго «потерянного поколения», тех, кто вернулся с войны. Тем не менее Пионтек не волился в ряды определявшей тогда в Германии картину культурной жизни так называемой «литературы руин» (Trümmerliteratur).

«Пессимистический оптимизм» поэта, соединенный с трепетным отношением к природе, предстающей у Пионтека в тончайших проявлениях его душевного мира, таких как любовь, одиночество, надежда, как часть единого, управляемого Творцом мироздания, составит мировоззренческую основу всего его творчества.

Хвала Всевышнему, проникнутая осознанием всемогущества Бога, звучит уже в одном из его ранних стихотворений «Не вечные псалмы» («Vergängliche Psalmen») из сборника «Дымовой сигнал»: «Из Твоего дыхания ваю мысли, славящие Тебя»¹³ (Ich bilde aus Deinem Atem Gedanken, die Dich loben). Однако в целом поэт стремится следовать библейскому принципу: «имя Бога не должно произноситься всуе». Можно сказать, Бог присутствует в наполненной христианскими смыслами поэзии Пионтека «между строк», в многочисленных намеках, с помощью которых, «преодолев молчание» и «предав слово огню», поэт, пытается найти «в дыму» ответ на свои вопросы и ведет разговор о сокровенном¹⁴. Так, уже в 1956 году Пионтек, сопрягая с именем Бога, «посылающего смерть <...> на рассвете во двор тюрьмы под расстрелянный тенистый приют», слово «Вьетнам»¹⁵, затрагивает тему освободительной борьбы вьетнамского народа, которая станет «модной» во время американской агрессии 1960–1970-х.

Одним из важных проблемно-тематических пластов в творчестве Пионтека станет тонкая граница между жизнью и смертью, обусловленная брэнностью человеческой плоти: «... изменчивость проникла в мое сердце» («...die Vergänglichkeit sinkt mir ins Herz») ¹⁶. Выделяя вслед за О. Лёрке¹⁷ в качестве важнейшей черты бытия его уязвимость, поэт хочет на миг «нарушенным молчанием» (gebrochenes Schweigen)¹⁸ озвучить созерцаемое, показать хрупкость земли, по сравнению с «океаном миров» – «капли на поверхности ведра», которая стекла с длани Творца¹⁹. Он призывает людей к терпимости: пылинка, попавшая в глаз, это не инородное тело: «пусть она отразится в капельке на реснице»²⁰.

«Мы живем считанные часы»²¹, – полагает Пионтек. Поэтому, чтобы быть счастливым, надо верить в чудо, в красоту: «Да, я скажу / что нам не пристало бояться прекрасного»²² (Ja, ich sage, / daß wir das Schöne nicht fürchten müssen), – доверяя тому, чем оделяет нас Природа: «И зима еще принесет / удивление / и нежность»²³ (Noch im Winter wird/Staunen sein / und Zärtlichkeit).

В одном из самых ранних стихотворений «На лодке» («Bootsfahrt») магическая сила природы облекается в чувственный язык метафор. С его помощью, вслед за Гёте, Пионтек стремится постичь загадочную суть пантеистически обожествляемого универсума, словно становясь посредником в расшифровке «небесных знаков», которые таит в себе божественное творение: «Я глубоко вслушиваюсь в беззвучное»²⁴ (Ich höre mich tief in das Lautlose ein).

Тайный код может скрывать в себе листва прибрежных каштанов²⁵ («Лауинген²⁶ на Дунае»), загадочной азбукой Морзе звучит гай ворон, который заставляет вспомнить о «горе опустошенного мира»²⁷ («Вороны»), зашифрованный посыл несет в себе шум улицы («Безымянный день»)²⁸. Подобная образность отозвалась в душе Г. Гессе словами: «Хорошо заблудиться в Вашем поэтическом саду, он просторен и полон растений и тайн»²⁹ (Es ist schön, im Garten Ihrer Gedichte sich zu verlieren, er ist weit und voll Gewächs und Geheimnis). Тайна поэтического мастерства Пионтека кроется в своеобразии его художественного видения. Оно предполагает «строгое различие неповторимого и общего»³⁰. Увидеть привычное, «как в первый раз»³¹, открыть в нем новые, доселе не замеченные нюансы, означает для поэта овладеть «техникой экономии места» (Technik des Aussparens)³².

Благоговейное отношение к предметам мироздания для Пионтека равнозначно любви: «Кто переводит любовь в стихи, / не подвержен риску / пропустить счастливый конец»³³ (Keiner, der Liebe in Verse übersetzt, / läuft Gefahr, /den glücklichen Ausgang zu verfehlen). Ибо черный дрозд и полная луна способны подбодрить упавшего духом: «Без малейшей надежды на успех / но так давно / сражаюсь здесь / за счастливый исход / мыслей»³⁴ (Sicher aussichtslos, / doch wie lange schon / kämpf ich hier / um einen glücklichen Ausgang / für Gedanken). Без этой любви к окружающему миру поэт «никогда не обратил бы внимания на парящие в небе облака: никогда не открыл для себя силу мягкого намека, предопределение мгновения, опоясывающего землю»³⁵ (Hätte ich nie das Schweben der Wolken wahrgenommen: nie wäre mir die Stärke sanfter Bedeutung aufgegangen, noch das Ahnungsvolle eines Augenblicks der über die Erde hinausreicht).

В стихотворениях отсутствует привычный для традиционной интимной лирики природы романтический флёр. Поэтические интонации отличаются чрезвычайной сдержанностью, нередкоходящей до афористичности, в выражении чувств: «Ich höre Schritte / in meinem Schritt»³⁶ (Шаги слышны в моей походке). Выражаясь словами самого поэта, его «слог прохладен и сух»³⁷ (Meine Silben sind kühl und sehr spröde).

На фоне политизации общественной жизни в ФРГ в 1960–1970 годах «негромкая» лирика Пионтека все чаще становится предметом критики за недостаточную гражданственность и эскапизм, за привкус

якобы не соответствующей времени «чистой поэзии». Несмотря на присуждение премии Бюхнера, Пионтек не становится популярнее. Тем не менее награда не была случайной, поскольку великого предшественника без преувеличения можно назвать одним из его духовных учителей. Пионтек познакомился с творчеством Бюхнера в 1954 году, а год спустя вышел первый сборник рассказов молодого автора «Перед глазами» («Vor Augen»). В качестве эпиграфа Пионтек, как он скажет об этом в своей речи по случаю присуждения ему премии, выбрал строки из новеллы «Ленц» известного прежде всего своим революционным пафосом Бюхнера, услышав в его голосе «звук тишины» (den Ton der Stille), который стал неизменным спутником негромкой лиры самого Пионтека: «Ни малейшего движения в воздухе [...]. Тишина, и деревья, куда ни кинешь взор, устремляющие трепетно-белые перья в темно-голубой простор» (Keine Regung [...]. Alles so still, und die Bäume weithin mit schwankenden weißen Federn in der tiefblauen Luft)³⁸.

Усиливавшееся равнодушие критиков и рецензентов не заставило Пионтека изменить себе и своему стилю. «Спокойно и деловито» (ruhig und sachlich) он продолжает спорить с литературными модами. В парафразе на тему известной басни о состязании между зайцем и ежом Пионтек дистанцируется от экспериментаторства, оторванного от высшего смысла поэзии – «помочь преодолеть печали своего времени»³⁹, от формальных изысков, осуществляемых ради чистого удовольствия, и сравнимых, по его мнению, с «потравой полей» (Flurschaden)⁴⁰.

Философское кредо Пионтека имеет своим основанием простую мысль: без опоры на традицию невозможно будущее. Она четко прочерчена в его эссе «Защита человека с помощью поэзии или консервативная революция» и прослеживается среди прочего в его программных стихотворениях 1971 года «Напиши и об этом» («Ja schreib noch einmal davon») и «Деревья» («Bäume»):

Спокойно вросшие / в темную землю <...> // в своей неизбежной / неборимости. <...> // всегда / в чем-то новые. // Растут: <...> / с распростертыми объятьями⁴¹.

Пионтек не боится прослыть эпигоном, широко используя, как в свое время Гёте, народную стихию ямба, соединенную в его стихах с метафорическими образами в духе Лёрке и Целана:

Лед озарил реку / сверкают шрамы. / Листва повержена. Свет / как в броне из самых чистых красок.

*Das Eis hat einen Fluß verklärt / und zeigt die blanken Narben. / Das Laub gestürzt. Das Licht bewehrt / mit überklaren Farben*⁴².

Одно из замечаний, высказанное Пионтеком по поводу современной ему поэзии, с полным основанием можно отнести к нему самому: «В современной поэзии помимо языкового уродства все еще довольно много строк, которые не дают заснуть, тревожных и прекрасных»⁴³. Именно этим критерием руководствовался Пионтек-издатель, которому литература ФРГ обязана несколькими поэтическими антологиями, дающими обзор лучших имен 1960–1970 годов. В них, помимо поэтов, вошедших в канон немецкой литературы XX века (Г. Айх, Г.М. Энценбергер, Й. Бобровский, Г. Хайсенбюттель и др.) представлен целый ряд менее известных талантливых авторов, в частности, таких как выходец из Силезии, поэт экзистенциальной направленности Э.Г. Блейш (1914–2003)⁴⁴. В «Мюнхенской издательской серии» («Münchner Edition») увидели свет произведения многих молодых талантливых поэтов 1980-х годов. Среди них Л. Штайнгер, У.Й. Байль и др. В поэтической антологии «Любовь, страдание и время, и вечность» («Lieb, Leid und Zeit und Ewigkeit», 1981) предствлен срез тысячелетней истории немецкой поэзии, от Мерзбургских заговоров до лирических стихотворений Петера Хухеля.

Полемизируя с творцами агитпроповских стихотворений 1960-х годов, Пионтек намеренно заостряет мысль о том, что истинная поэзия рождается прежде всего из художественного, языкового совершенства текста, и не может быть обусловлена лишь его содержанием, и менее всего – социально-политическим. Язык произведений самого Пионтека всегда отличала чистота стиля, проявляющая себя прежде всего в строгом отборе лексики. Как о высоком, так и о самом обыденном он предпочитает говорить нейтральным общелитературным языком, избегая стилиевой разноголосицы.

Пионтек всегда очень чутко прислушивается к чистоте звучания своего стиха. Построенные словно по законам музыкальной гармонии, его тексты не знают фонетических диссонансов, что в целом соответствует тяготеющей к живописному пуантилизму художественной манере поэта.

О том, что прекрасное не сулит одно лишь эстетическое наслаждение гладким стилем, что оно может будоражить, в том числе и с помощью сознательно шероховатой художественной формы, свидетельствует стихотворение «Журавлиным пером» из одноименного сборника 1961 года. Поэт рисует в нем образ журавлиного пера, журавлиного крика, бьющегося о ворота сарая: «В гортанном звуке слышу / красоту / Ах, партизанка» (Am Kehllaut erkenn ich / die Schönheit / Die Partisanin)⁴⁵. Утверждение, что «все прекрасное каким-то неведомым образом связано между собой», служит доказательством идеи Пионтека о размытости его границ, о включении в его сферу явлений «безобразной» действительности⁴⁶.

Отстаивать принципы прекрасного в искусстве: «Да, скажу, / что нельзя бояться прекрасного: // будь то мед, или яблоко, или лебедь» (Ja, ich sage, / dass wir das Schöne nicht fürchten müssen: // den Honig, den Apfel, den Schwan // ...) ⁴⁷, – не означает, таким образом, для Пионтека желания придать реальности некий эстетический лоск. Поэт отстаивает скорее право произведения искусства на художественную

самоценность. И в этом Пионтек отдает дань любимому им Джону Китсу, переводы которого заняли в его творчестве особое место⁴⁸.

Со временем в творчестве Пионтека не оборвалась нить горьких воспоминаний о прошлой войне. Может быть, эта тема звучит теперь приглушеннее, сливаясь с тревожными раздумьями о судьбе современника: соседа по дому, соседа по планете.

В сборнике «Светотень» («Helldunkel», 1987) поэт продолжает традиции суггестивной пейзажной лирики, в которой мысли и чувства нераздельны и рождаются из непосредственного соприкосновения с природой, призванной стать зеркалом души лирического героя. Не случайно, наверно, совпадение названия сборника с названием книги стихов импрессиониста Йоханнеса Шлафа (1862–1941), также в свое время обозначившего свое состояние души как «светло-темное» в одноименном сборнике 1899 года.

Не привыкший лукавить, смятенный осознанием того, что в своем бренном человеческом существовании он, кажется, приближается к порогу, разделяющему свет и тьму, Пионтек дает читателю прикоснуться к глубинам души, пребывающей, подобно природе, в стоическом ожидании надвигающегося холода:

Осенний виноградник гол и пуст, / снопы соломы, облетевший куст, / орехи с веток детвора срывает. // Я, как лоза, от света жду тепла. / И от земли, что лето вобрала. / И все кругом безмолвие вникает⁴⁹.

Прежде чем уйти в небытие, поэт хочет «Вновь ощутить земному сопричастность, / и не впервые мраку неподвластность / потоков света в липах увидеть, / где шелест с шепотом играют в прятки. / И смысл тысячелетья разгадать»⁵⁰.

Пытаясь решить задачу «разгадать и усвоить» – так озаглавлена одна из частей сборника, поэт окидывает мысленным взором прошлое тысячелетие, на исходе которого ему довелось родиться. Он обращается и к еще более далеким временам, задавая все тот же вопрос эпическим героям ветхозаветных мифов. Он пытается найти разгадку, перелистывая и книгу воспоминаний своей жизни. Сопоставляя свое бытие с бытием современников по тысячелетию, поэт соизмеряет нравственные ценности этого тысячелетия с единственно верными и извечными, как представляется ему, верующему христианину, этическими нормами.

Последний век, считает поэт, не был светлее других в череде предшествовавших столетий. Войны, неизбывные человеческие страдания, чуть-чуть скрашенные под конец благами преуспевающего общества потребления, готового поступиться нравственностью в слепом поклонении вещам и «золотому тельцу». Интерес Пионтека к жанру псалма не случаен. Слово в зеркале времен вглядываются друг в друга обнаженные человеческие души, в своем одиночестве и скорби одинаково веряющие себя Богу теперь, как и тысячи лет назад. Псалтырь есть для Пионтека самая большая утешительная, дарующая надежду и поэтому «невероятно прекрасная»⁵¹ утопия. Смысл этой утопии об «открытом конце»⁵² человеческой жизни хорошо раскрывается в стихотворении «Свободный путь», в котором угадывается стремление и возможность выйти в божественную запредельность:

Душа – / паломница светла – / Вселенная – / лишь узкий вход, / открытый в океан – (Die Seele reiseklar – / Das All / nur eine schmale / Tür / angelweit offen –)⁵³

В отличие от своих леворадикальных собратьев из писательского сообщества (Г.-М. Энциенбергер, Г. Грасс и др.) Пионтек не видит альтернативы неправильно устроенному человеческому обществу в новых социальных системах. Эпоха холодной войны нашла в его творчестве художественное воплощение в соответствии с общими представлениями о Советском Союзе, о порочности советской системы, оцениваемой с позиций западной демократии. Так, сопоставляя в стихотворении «Я, Антон Павлович» Россию чеховскую с Россией середины XX века, Пионтек приходит к выводу, что политическая система страны, несмотря на смену вывески, не претерпела позитивных изменений. Ложь советской пропаганды не стала изощренней, но приобрела более массивный характер (в силу упадка нравственности и ужесточения борьбы с инакомыслием)⁵⁴.

И следующее тысячелетие, по мнению автора, не сулит человечеству лучшего удела. А потому единственный выход – хотя бы на время отрешиться от всех мыслей о прошлом, настоящем и будущем, пытаясь убедить себя поэт, призывая в союзники дух Гамлета:

Поверь, нам обоим будет полезно / отмыть / лица, / твое меловое и мое розовощекое, / от всех мыслимых мыслей.

Glaub mir, es wird uns guttun, / nun unsre beiden Gesichter, / dein kreidiges und mein heißes, / von allen erdenklichen Gedanken / einmal reinzuwaschen⁵⁵.

К этому он будет стремиться и впредь. Однако подобное обретение покоя или отрешение от бренных мыслей ему не будет даровано судьбой. Это окажется невозможным, как и то, что вернется зрение к «слепому инвалиду войны»⁵⁶, судьба которого – как хочет показать поэт – должна стать предостережением всем, кто еще способен видеть.

Сборник «Светотень», как и вышедший в 1985 году «Едва переменялся ветер» («Eh der Wind umsprang»), интересен тем, что в нем поэт, уже много лет писавший верлибром, снова обращается к традиционным формам рифмованного метрического стиха. Это не прихоть и не случайность. Традиционную форму поэт использует, как правило, в произведениях, обращенных к прошлым эпохам, как бы считая нужным говорить с предшествующими поколениями их языком, чтобы лучше понять их и быть может, быть понятым ими.

Речь идет о стилизации (опущение окончаний у существительных, инверсии и пр.) как способе адекватной передачи духа изображаемого времени, в данном случае эпохи позднего феодализма в преддверии Крестьянской войны 1525 года:

От прыжка кошки / скрипит шкаф, // в нем пустые горшки / и кувшины. // Ребенок видит – / волки бегут, // челядь – / распутство помещиков. // Под топором гибнет / твоя последняя скотина, / молоть посевное зерно – / грех: // Выдюжишь ли, / бедолага?

Beim Satz der Katz / knarrt das Spind, // hohl darin die Töpf / und Kruken sind. <...> // Fällt die Axt / dein letztes Rind, <...> // Kommst du durch, / der nie gewinnt?⁵⁷

Лишь один раз, в заключительной части цикла «Божий человек» («Mann Gottes»), названной «Пророк (апокриф)», ткань тяготеющего к эпичности стиха, который вводит читателя в мир библейского мифа, разрывается конфигурацией современного стихотворения, в котором игнорируются привычные синтаксические связи, и которое напоминает почерк пророческой поэзии высоко почитаемого поэтом Г. Гейма. Оно передает наэлектризованное состояние души поэта, являющей некий всплеск отчаяния и надежды:

Ты, лишь ты

Und kein anderer als du wird

им всем
в вину вменили скотопристойный закон
цепей

Die alle
mit ihren Ketten ein Klirren verursachen
wie Rinder

всепожигающий огонь
пожаров

Brände, das fliegende
Feuer

на рассвете укажешь путь
к земле обетованной свободы.

bei Tagesanbruch in die sanftfarbige Freiheit
einer neuen gewissen Erde führen⁵⁸

Стихотворения, как правило, строятся на ассоциациях и литературных реминисценциях. Поэт широко использует парафраз:

Что знал, невежда, я о лихолетье, / о той поре, что немощью зовут. / Кричат: нет, вовсе не хочу стареть я – / хотя, как прежде, реки вдаль текут, // и солнце землю так же щедро греет, / и синева небес к себе манит ... / Но борода у мельника седеет, / и каменщика время не щадит...

Was weiß ich schon von all den bösen Tagen, / von all den Jahren, die man Alter nennt. / Nein, sie gefallen mir nicht, hör ich nun sagen – / obwohl und nach wie vor die Sonne brennt // die Wolken weiß und klar am Himmel stehen, / und wie vorzeiten ziehn die Flüsse weit ... / Doch find ich bärtige Müller müßig gehen, / und rotgesichtige Maurer plagt die Zeit⁵⁹.

В его произведениях нередки цитатные вкрапления, элементы пародии:

Среди акробатов / тринадцатилетняя, / по-мальчишески сложенная / смуглянка. // С первого взгляда / В. уже не в силах / Отвести от нее глаз. // Однако придется вкусить / прелесть половины романа, // прежде чем В. / вплотную / приблизится к тайне Миньон.

Unter den Akrobaten / eine Dreizehnjährige / mit eher jungenhaftem Körper / und bräunlicher Haut. // W. kann seine Augen schon nach einem / einzigen Blick / nicht mehr von ihr wenden⁶⁰.

Поэт как бы пытается создать в стихах единый сплав многовековой поэтической традиции своего народа. Сохранить ее и передать потомкам он считает своим долгом. И в этом таится одна из причин литературного авторитета Пионтека, произведения которого, по признанию критиков, уже сегодня стали принадлежностью основного фонда немецкой литературы.

Последние поэтические сборники Пионтека, «Утреннее бдение. Новые стихи» («Morgenwache. Neue Gedichte», 1991) и «Новая орбита» («Neue Umlaufbahn», 1998) содержат своего рода квинтэссенцию его художественного кредо. Программный характер названия первого сборника, в который Пионтек включил, как явствует из подзаголовка, стихи, написанные в последние годы, призван подтвердить, и это демонстрирует содержание самих произведений, неизменность позиции автора: рассвет – неотъемлемый атрибут человеческой жизни, которая немыслима без надежды, и нельзя себе позволить такой роскоши, чтобы пропустить мгновение, снова и снова возвещающее о твоём присутствии в этом мире. Именно такого прочтения ждет Пионтек от вдумчивого читателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Neue Subjektivität = neue Innerlichkeit = neue Sensibilität – «новая чувствительность», «новая душевность. Справедливое определение места Пионтека содержится в характеристике «классик своего поколения» (Klassiker seiner Generation) – (текст на суперобложке сборника 1966 года «Незашифрованный текст», «Klartext».

² «Klassiker der Gegenwart»: Büchner-Preisträger Heinz Piontek gestorben // Spiegel-online. 28.10.2003. <http://www.spiegel.de/kultur/literatur/0,1518,271665,00.html>

³ Специалисты соотносят это стихотворение с «Фугой смерти» (Todesfuge) П. Целана. См. подр.: Heinz Piontek. Leben und Werk. Lauingen–Dillingen (1947–1961). Ausstellung zu Ehren des Dichters vom 7.9. – 14.9.2008 in der Turnhalle am Marienweg in Lauingen //

http://www.bndlg.de/~albertus/pdf/flyer_piontek.pdf; Schönberger, O. Der neue Aeneas. Zu dem Gedicht «Die Verstreuten» von Heinz Piontek / O. Schönberger // Antike und Abendland (1970). – Berlin, New York, 2009. – S. 78–82.

⁴ Wird die Zukunft noch einmal / auf vergessener / Vergangenheit fußen? (Piontek, H. Vorkriegszeit. Ein Gedicht / H. Piontek. – München, 1980. Цит. по: Piontek, H. Werke in 6 Bdn. / H. Piontek. – Bd. 1. Früh im September. – München, 1982. – S. 271.).

⁵ Piontek, H. Die Verstreuten // Wassermarken. – Eßlingen, 1957. – S. 36. Перевод с нем. здесь и далее, где это не оговорено специально, автора главы – Т.К.

⁶ Piontek, H. In der Dachkajüte // Wassermarken. – S. 9.

⁷ Ibid. – S. 37.

⁸ Piontek, H. Die Furt // Die Furt. – Eßlingen, 1952. – S. 54.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Piontek, H. Biblische Nacht // Die Rauchfahne. –2. Aufl. – Eßlingen, 1956. – S. 18.

¹¹ Piontek, H. Wanderschaft // Die Rauchfahne. – S. 74–75.

¹² Piontek, H. Im Wasser // Tot oder lebendig. – Hamburg, 1971. – S. 9.

¹³ Piontek, H. Vergängliche Psalmen II // Die Rauchfahne. – S. 94.

¹⁴ См.: Piontek, H. Zu den Texten // Das Schweigen überbrücken. – Gütersloh, 1977. – S. 126.

¹⁵ Piontek, H. Vergängliche Psalmen VIII // Die Rauchfahne. – S. 100.

¹⁶ Piontek, H. Vergängliche Psalmen XI // Die Rauchfahne. – S. 103.

¹⁷ Beständig ist das leicht Verletzliche (Loerke, O. Die Laubwolke / O. Loerke // Gedichte und Prosa. – Bd. 1. –Frankfurt a. M., 1958. – S. 449.).

¹⁸ Piontek, H. Gebrochenes Schweigen / H. Piontek // Was mich nicht losläßt. – München, 1981. – S. 29–31.

¹⁹ Образ, заимствованный у Клопштока: Klopstock, F.G. Frühlingsfeyer // Klopstock F.G. – Oden. Bd. 1. – Leipzig, 1798. – S. 158. Ср., в свою очередь: Исайя 40, 15.

²⁰ Laßt es sich spiegeln im Tropfen an der Wimper (Piontek, H. Riederauer Gedicht / H. Piontek // Piontek H. Das Schweigen überbrücken. – S. 103.).

²¹ Piontek, H. Wir leben gezählte Tage // Wassermarken. S. 12.

²² Piontek, H. Sprachtabus // Wie sich Musik durchschlug. – 2. Aufl. – München, 1982. – S. 27.

²³ Piontek, H. Sprachtabus // Wie sich Musik durchschlug. – S. 28.

²⁴ Piontek, H. Bootsfahrt // Die Rauchfahne. – S. 13.

²⁵ Piontek, H. Lauingen an der Donau // Die Rauchfahne. – S. 12.

²⁶ Город в Швабии, где в 1950-е годы некоторое время жил Пионтек.

²⁷ Gram der verödeten Welt (Piontek, H. Krähen // Die Rauchfahne. – S. 27.

²⁸ Piontek, H. Namenloser Tag // Die Rauchfahne. – S. 73.

²⁹ Цит. по: Werner, K. Piontek, Heinz. Lyriker und Erzähler / K. Werner // Ostdeutsche Biographie: Persönlichkeiten des historischen deutschen Ostens – Режим доступа: <http://www.ostdeutsche-biographie.de/pionhe95.htm>. – Дата доступа: 26.07.2010.

³⁰ Piontek, H. Wie ich sehen lernte // Träumen, Wachen, Widerstehen. – München, 1978. – S. 23.

³¹ Ibid. – S. 25.

³² Ibid. – S. 24.

³³ Piontek, H. Vorkriegszeit. Ein Gedicht / H. Piontek. – München, 1980. (Цит. по: Piontek, H. Werke in 6 Bdn. / H. Piontek. – Bd. 1. Früh im September. – München, 1982. – S. 290.).

³⁴ Piontek, H. Am See // Was mich nicht losläßt. – München, 1981. – S. 22.

³⁵ Piontek, H. Die Wunderbaren // Was mich nicht losläßt. – S. 14.

³⁶ Piontek, H. Heimweg // Piontek H. Die Rauchfahne. – S. 69.

³⁷ Piontek, H. Vergängliche Psalmen V // Piontek H. Die Rauchfahne. – S. 97.

³⁸ Piontek, H. Am Nachmittag des 16. Februar 1837. Bühnerpreisrede 1976 // Piontek H. Werke in 6 Bdn. – Bd. 5. – München, 1983. – S. 828.

- ³⁹ Piontek, H. Poetische Verteidigung des Menschen oder die conservative Revolution / H. Piontek // Buchstab, Zauberstab. Über Dichter und Dichtung. – Eßlingen, 1959. – S. 48.
- ⁴⁰ Piontek, H. Wettlauf // Tot oder lebendig. – Hamburg, 1971. – S. 37.
- ⁴¹ Piontek, H. Bäume // Ibid. – S. 25.
- ⁴² Piontek, H. Winterrätsel // Piontek H. Mit einer Kranichfeder. – Stuttgart, 1962. – S. 14.
- ⁴³ In der Lyrik von heute gibt es außer sprachlosem Entsetzen immer noch Zeilen genug, die schlaflos machen und unruhig und schön sind. (Из речи Пионтека в Силезском доме в Бахеротте в 1985 году на чтениях, устроенных по случаю 60-летия поэта). Цитата записана К. Вернером. См., в частн.: Wermer, K. «Wir leben gezählte Tage». Heinz Piontek zum Gedenken an den 80. Geburtstag am 15. November 2005 / K. Wermer // Schlesische Nachrichten. Zeitung für Schlesien. 15.11.2005. – S. 12.
- ⁴⁴ См.: Deutsche Gedichte seit 1960 / H. Piontek. – Stuttgart, 1972.
- ⁴⁵ Piontek, H. Mit einer Kranichfeder // Piontek H. Mit einer Kranichfeder. – Stuttgart, 1962. – S. 50.
- ⁴⁶ Это наглядно демонстрирует стихотворение одного из оследователей Пионтека, современного поэта Д.М. Грефа (1963) «Крыло птицы в голубом сари» («des Vogels blauer Sariflügel»): изображение явленной на доли секунды идеальной красоты, помогает увидеть то, что порой бывает скрыто за убогостью жизни: des Vogels / blauer Sariflügel / schlag, / ver / zischen der Papierdrachen / im Armen: / der Pfau (птичий взмах крыла / в голубом / сари, / про / шипевший бумажный змей / жалкий: / павлин): Gräf, D. des Vogels blauer Sariflügel // Westrand. – Frankfurt a. M., 2002. – S. 15.
- ⁴⁷ Piontek, H. Sprachtabus // Piontek H. Wie sich Musik durchschlug. – 2. Aufl. – München, 1982. – S. 27.
- ⁴⁸ См.: John Keats: Auf eine griechische Urne. Gedichte englisch und deutsch. Übertragen und mit einem Nachwort von Heinz Piontek. – Frankfurt a. M., 1999. В числе переводимых Пионтеком авторов – близкие ему по духу Йозеф Конрад, Джерард Мэнли Хопкинс, Уильям Батлер Йейтс, Уистен Хью Оден, Рафаэль Альберти, Миодраг Павлович, Уоллес Стивенс.
- ⁴⁹ Piontek, H. Herbstduft // Helldunkel: Gedichte. – Freiburg; Basel; Wien, 1987. – S. 9.
- ⁵⁰ Piontek, H. Unter alten Bäumen // Helldunkel. – S. 11.
- ⁵¹ Piontek, H. Umgang mit Psalmen // Das Schweigen überbrücken. – Gütersloh, 1977. – S. 17.
- ⁵² Strauß, B. Paare, Passanten / B. Strauß. – München, 1985. – S. 177.
- ⁵³ Piontek, H. Freies Geleit // Wie sich Musik durchschlug. – Hamburg, 1978. – S. 88. К анализу этого стихотворения см. подр.: Motté, M. Die Rede vom Gott in der modernen Literatur / M. Motté // «Das offene Ende, durch das wir denken und atmen können...»: Theologie und Literatur im wechselseitigen Fragehorizont / K. Hilpert. – Münster, 2001. – S. 82–83.
- ⁵⁴ См.: Piontek, H. Ich, Anton Pawlowitsch // Tot oder lebendig. – S. 58–59.
- ⁵⁵ Piontek, H. Ein Sommertagstraum // Helldunkel. – S. 119.
- ⁵⁶ Piontek, H. Jahrhundertssommer // Helldunkel. – S. 104.
- ⁵⁷ Piontek, H. Bauernwinter (um 1500) // Helldunkel. – S. 18.
- ⁵⁸ Piontek, H. Prophet (apokryph) // Helldunkel. – S. 62.
- ⁵⁹ Piontek, H. Der Prediger Salomo. Das 12. Kapitel (Paraphrase) // Piontek H. Helldunkel. – S. 13.
- ⁶⁰ Piontek, H. Schöne Naivität oder Eine Handvoll klassischer Seiten // Piontek H. Helldunkel. – S. 76–77.

ТОМАС СТЕРНЗ ЭЛИОТ

Е.С. Балтрукова

Полоцкий государственный университет, Беларусь

Т.С. Элиот – поэт XX века, получивший Нобелевскую премию «за приоритетное новаторство в становлении современной поэзии», а также – литературный критик и теоретик культуры. Как видный теоретик современной поэзии, Элиот заложил основы новаторского прочтения поэтических текстов и дал образцы такого анализа. Им опубликован ряд сборников литературно-критических статей: «Священный лес» (The Sacred Wood, 1920) «Польза поэзии и польза критики» (The Use of Poetry and the Use of Criticism, 1933), «О поэзии и поэтах» (On Poetry and Poets, 1957) [3, с. 4]. Т.С. Элиот теоретически обосновывал формализм в литературной критике. Одним из основных принципов Элиота был отказ от рассмотрения художественного произведения в связи с личностью писателя, его биографией. По мнению Элиота, произведение существует совершенно независимо от автора, оно автономно и представляет собой отдельную, замкнутую в себе ценность. Этот взгляд Элиота лег в основу теории англо-американской «новой критики», которая отказывается от социально-исторического истолкования литературного произведения, настаивая на его имманентной сущности [3, с. 6]. Элиот вырабатывает подход в оценке современного ему литературного процесса, согласно которому, поэзия должна быть имперсональной, то есть автор, при создании произведения, реализует свой личный опыт, как часть опыта его литературных пред-